

Василий Нарезный

Богатый бедняк

Василий Трофимович Нарезный

Богатый бедняк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548225

В.Т. Нарезный. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

В повести В.Т. Нарезный изображает «нравственную физиономию» провинциального дворянства, его семейно-бытового уклада, грубого невежества, бессмысленных интересов, заполняющих пустоту его жизни.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Василий Трофимович Нарежный Богатый бедняк

Багряное солнце клонилось к своему закату. Лазоревое небо отражало лучи его на горы, леса и долины.

Воздушные обитатели, усевшись на ветвях зеленых, пели вечерние гимны, в коих, как казались для душ чувствительных, приносили благодарность виновнику их жизни, свободы и счастья. Вдали раздавался рев усталых под ярмом волов и блеяние овец, идущих с паствы. Словом сказать, картина эта происходила летним вечером, в прелестной долине, верстах в тридцати от Полтавы.

У самой этой долины остановился Полтавский полк, возвращавшийся из пятилетнего похода против крымских татар и турков, когда благочестивый царь Алексей Михайлович ратовал против сих неверных. Полковник произнес воинам приличную речь и позволил каждому брести далее, куда хочет. Разумеется, что каждый пошел искать покоя и радостей на свою родину; один только молодой есаул Ипполит, по прозванию Голяк, не знал, где приклонить голову. Конечно, было место на земном шаре, где родился и вырос он, но, по всему вероятно, место это запустело, и Ипполиту много понадобилось бы иждивения, чтоб сделать оное похожим на

жилище человеческое: а у него в карманах было пусто!

Ипполит родился от шляхтича, самого бедного в описанной мною округе. Отец его, пан Еврогий, проживал на правой стороне долины. Он имел во владении небольшой участок земли и также небольшую хату, в которой помещался с женою Феклою, сыном Ипполитом, дочерью Мариною, работником Фомой и работницей Вассою. Помещик не ленился сам ходить за плугом, жать и молотить хлеб и косить сено. От этих занятий никто из домашних уволен не был. Однако Ипполит, с самого отрочества, охотнее ходил в школу в ближнее село, к дьячку Сидору, чем в поле или в лес, и еще охотнее сражался с товарищами, чем погонял волов. Едва исполнилось ему двадцать лет, как постигли его бедствия, нимало не мечтательные: в короткое время лишился он отца и матери.

Сестра его, Марина, избавившись ига родительского и не могши терпеть самовластия братнина, склонилась на ласки одного проезжего шинкаря, обвенчалась с ним тайно и бежала. Работники Фома и Васса также слюбились и его оставили, чтобы жить своим домом. Ипполит остался один во всей природе, и вся природа показалась ему бесплодною пустыней. Но к большому его несчастью, к пущей скуке для его сердца, он не мог противиться прелестям юной Богомилии, единственной дочери богатого помещика Никанора, которому принадлежала большая половина селения, где Ипполит у дьячка Сидора учился русской грамоте. Он, по праву урож-

денного шляхтича, незадолго до кончины родителей, начал в праздничные дни посещать дом сказанного помещика и был принимаем, хотя нельзя сказать ласково, однако и не спесиво. Вскоре пламенные взоры, обращаемые на шестнадцатилетнюю красавицу, вразумили ее о состоянии его сердца. Ах! как и в эти уже лета понятливы бывают молодые люди! При всяком новом появлении Ипполита сердце Богомилии трепетало необычайно, белая грудь вздымалась, глаза, пламеня, потуплялись в землю, и заря румяная алела на щеках ее. Они ни слова не говорили друг другу о своих взаимных чувствованиях; но любовь, пламенная любовь, день ото дня в сердцах их усиливалась. Надо отдать справедливость, что Ипполит из всего околотка был прекраснейший молодой человек, и если бы имел хотя средственной достаток, то едва ли какая-нибудь невеста отказала б ему в руке своей.

Хотя дела эти происходили довольно давно, однако и в то время люди были с глазами и ушами. Родители Богомилии скоро заметили, что дочь их занята не одним шитьем и вышиванием. Они приступили к ней с лукавыми вопросами, и легковерная красотка откровенно призналась, что она любит и – взаимно любима. «А почему ты так думаешь?» – спросили родители в один голос.

«Ах! – отвечала дочь со вздохом, потупя прелестные глаза в землю, могла ли я не заметить этого из взоров Ипполита, из его вздохов, из замешательства, какое овладевает им, когда нам случалось оставаться одним, – и наконец...» – «А что

наконец?» – спросили устрашенные отец и мать. «Когда Ипполит в последний раз уходил отсюда, – отвечала дочь, – мы были тогда в саду, – он взял мою руку, прижал к своей груди и спросил дрожащим голосом: „Чувствуешь ли, прелестная, как бьется это сердце? Ах! оно более не мое; оно принадлежит тебе, Богомилия!“ – Я хотела что-то отвечать ему, но он поспешно удалился, и вот уже целые шесть дней я не видала его подле себя!» – «А где же видела?» – спросил отец нетерпеливо. «Он каждый день, отвечала дочь, – более десяти раз обходит вокруг забора нашего сада, смотрит сквозь дыры, и хотя я знала, кого он высматривает, однако сегодня только два раза подходила к забору и не более сказала ему, как только, что и я люблю его от всего сердца». – «Порядок! – сказал отец, глядя значительно на жену. – Я не ожидал этого!»

Невинная Богомилия умела понимать только взоры Ипполитовы, ибо они были для нее новы; прочих же всех казались ей весьма обыкновенными и нестоящими догадок. Она спокойно смотрела на удаление родителей и занялась мыслями о приятностях следующего дня, который был праздничный, следовательно, она может говорить с Ипполитом гораздо удобнее, чем сквозь дыры плетневого забора.

По окончании литургии, в назначенный час, наш витязь не преминул явиться в обширном доме Никанора.

Любовь, как говорят и пишут, слепа, а в добавок я скажу, что она очень часто и других считает слепыми, хотя они весьма зрячи. Вместо прежних милостивых приемов хозяе-

ва встретили его грозными взорами. Ипполит причел это какой-нибудь домашней неприятности, подошел к ним с улыбкою, и, низко поклонясь, спросил: «А где ж Богомилия? Здорова ли она, весела ли?» «Нечестивец! — сказал Никанор ужасным полуголосом, — если ты осмелишься впредь хотя подойти близко к моему дому, то я велю проучить тебя добрым порядком». Как громом пораженный Ипполит стремглав бросился вон и не прежде опомнился, как выбежав далеко в поле. Куда обратиться сироте беспомощному? Теперь в первый раз почувствовал он, сколько был безрассуден, что осмелился взоры любви остановить на прелестной Богомилии и что соответствие ее одной почитал достаточным к составлению его счастья. Бродя по долине, не зная сам куда, он увидел невдалеке скромную хату Вирилада, также бедного дворянина и бывшего друга покойному отцу его. Он направил туда путь свой, решась вверить ему тайну сердечную и просить совета. Вирилад выслушал его терпеливо, улыбнулся и сказал: «Когда в богатом доме отказали тебе в обеде, то садись за мой убогий стол; сыт будешь, а после потолкуем и о твоём горе. Что-нибудь да придумаем».

Когда сельская трапеза кончилась, то Вирилад сказал: «Признаюсь, я считал тебя гораздо разумнее, нежели каков ты оказался. Возможно ли только человеку нашего состояния полюбить дочь богача, единственную его наследницу? Каково было тебе, бедному шляхтичу, когда сведал, что шинкарь увез сестру твою, Марину? По себе суди и о других.

Бесспорно, ты молодец изрядный: первый на плясках и на праздниках, но этого мало для заносчивого Никанора. Кинь, друг мой, пустые затеи, и бог тебя не оставит. Если ты, отуманенный глупою любовью, не знаешь, так я рассказываю, что у православного царя начинается война с безбожными агарянами^[1]. Явись к полковнику Полтавского полка, запишись охотником^[2] и ступай в поход. Уверяю тебя по собственному опыту, что военные труды и беспокойства вылечивают и не от таких дурачеств, каково, например, любовь бедного парня к богатой девице. Сверх того и поживиться кое-чем от неверных я грехом не считаю. Почему знать нам долю свою?

Может быть, по окончании войны возвратишься ты не с пустыми руками. Я даю честное слово высватать за тебя, хотя не очень богатую, но добрую, честную невесту, и ты в поместье своем заживешь, как бог поможет. Не противоречь мне! Давай руку в знак согласия, и мы обменяемся крестами».

Ипполиту ничего не оставалось, как повиноваться благому совету опытного своего друга. Он сознавался самому себе, что не утерпит, хотя изредка, видаться с Богомилией, а также знал, что и Никанор шутить не охотник.

Итак, подумав, погадав, он решился преодолеть пагубную страсть и пуститься на одоление неверных. Сборы его были не велики. На другой же день он предстал пред ворота-

^[1] ...война с безбожными агарянами. – Агарянами называли вообще мусульманские народы; здесь речь идет о турках.

^[2] ...запишись охотником... – т. е. добровольцем.

ми хаты Вириладовой, сидя на тощем коне, опоясанный прародительскою саблею, с парюю пистолетов за кожаным поясом. Вирилад благословил его, и витязь наш пустился в путь. Целые пять лет о нем не было никакого слуха, и все, знавшие его, сочли, что он пал под ударами агарян. Однако ж мы в начале этой повести видели, что Ипполит Голяк здравствует и возвращается на свою родину, но – увы! едва ли не беднее прежнего, когда оставлял ее. Он въехал на упоминаемую мною долину перед закатом солнечным, остановил коня, осмотрелся кругом и вздохнул. «Ах! – сказал он довольно громко, – вот впереди меня село, в коем господствует надменный Никанор и где, может быть, имеет уже внуков. В том же селе бесчинствует преступный пан Авраамий с беспутным сыном своим, Иваном. Вот – в правой стороне – моя родовая хата; но она заросла высоким бурьяном, окна выбиты градом, и соломенная крыша снесена ветрами. Там невядалеке – убогая хата друга моего, Вирилада; но что я вижу? На месте том возвышается пространньй дом с обширным садом. Конечно, кто-нибудь другой завладел тем местом; где мне отдохнуть от дороги?»

В таком недоумении Ипполит слез с своего иноходца и пустил его на траву, а сам решилсЯ провести ночь под открытым небом и поутру от проходящих уведомньсЯ, кто поселился на земле Вириладовой и может ли он хотя на короткое время ожидать там гостеприимства? Вследствие сего вынул он из походной сумы край засохшего хлеба и опустил в ко-

панку, а сам, у севши подле, продолжал вздыхать и мечтать, смотря попеременно на свою хату, из коей, пользуясь наступающею темнотою, начали показываться кучи нетопырей, на место бывшего жилища Вириладова и на отдаленное село, где жила прелестная, нежная Богомилия.

Вскоре невдалеке от себя, в чаще мелких кустарников, услышал он говор людской, и пред ним показалось несколько человек в польской одежде. Шедший впереди вел за узду лошадь о трех ногах, ибо четвертую держала она на воздухе. За этим двое здоровых высоких мужчин вели под руки третьего, который казался их господином. Он имел багряные щеки, каждую величиною с добрую дыню, а чрево, опустившееся до колен. Они все не очень тверды были на ногах.

«Нет, добрые люди, – говорил пузан, – я далее идти не в силах. Этакая напасть! Ступайте вы домой и пришлите сюда мою колымагу, да не забудьте уложить в нее что-нибудь съестное, а особливо корзину с напитками.

Я покуда пробуду с этим богатырем, который, в случае нужды, защитит меня от всяких нападков. Подведите меня к его чести».

Когда незнакомца усадили подле изумленного Ипполита, то один из ведших его под руки сказал: «Нельзя ли переменить тебе свое приказание? Панкрат всех нас тверже на ногах, так пусть бредет домой с конем своим, а мы при тебе останемся в ожидании колымаги. Долго ли проломить голову, стукнувшись лбом об дерево или ввалиться в ручей?» –

«Упаси боже от напасти», прошипел толстяк и дал приказание; Панкрат с конем побрел далее, а прочие полегли по сторонам господний. Тогда этот, обратись к Ипполиту с веселою улыбкой, сказал: «Я вижу в этой кристалловидной копанке нечто съестное. Вот подлинно самый рыцарский ужин! – Какой же добрый конь погуливает! Кстати! Я сегодня обедал в ближнем селе у богатого и гостеприимного пана Ивана, который праздновал всерадостный день кончины его родителя, за год пред сим последовавшей. Имея изрядный достаток и управляя всем по своей воле, он накупил довольное число кобыл из гетманского завода и теперь нуждается в добром жеребце. Не уступишь ли ему, рыцарь, своего иноходца, а пан Иван не поскупится дать плату хорошую?»

Ипполит не мог не оскорбиться такою явною насмешкою. «Если твой пан Иван, – отвечал он отрывисто, – гостеприимен и щедр, чему я охотно верю, смотря на тебя и твоих провожатых, то для чего не предложишь для кобыл его – своего коня?» – «Ах! – отвечал незнакомец с тяжким вздохом, – и подлинно мой конь лошадь добрая, но нас обоих постигло сегодня несчастье. Когда я возвращался из гостей домой и, поддерживаемый двумя служителями, не предвидел никакого несчастья, саженьях во ста отсюда вдруг почувствовал в носу сильный зуд. Сколько я ни крепился, но не мог удержаться, чихнул, конь мой подломился, и я – повергся лицом к земле. Бедная животина повредила одну ногу, а я благороднейшую часть в теле человеческом – чрево, и – как ви-

дишь – осужден сидеть здесь на сыром воздухе и терпеть голод и жажду.

Конечно, за грехи предков я наказываюсь, ибо истинно за собою никакой вины не знаю! Великолепный рыцарь! Я человек веселый, хотя уже и весьма не молод. Если ты в этих местах погостить намерен, то не худо сделаешь, когда навестишь меня. Стоит тебе у первого прохожего спросить о жилище пана Вирилада: то всякий укажет.

Вот оно!»

«Как? – вскричал Ипполит, вскочил на ноги и, трижды перекрестясь, сказал вполголоса: – С нами бог! это небыльщина. Я весьма коротко знал почтенного Вирилада, и он столько ж на тебя походил, как ловкий сокол походит на неуклюжего филина. Выходи, – продолжал он, отступив на несколько шагов и схватя за рукоять сабли, – выходи! Ипполит Голяк тебя не боится».

Тут упитанный незнакомец в свою очередь изумился и начал протирать глаза. «Нет, дружок, – сказал он наконец, – меня не обманешь! Я также коротко знал Ипполита Голяка и как теперь на него гляжу. За пять лет пред этим он отправился в туречину, и вся здешняя округа знает, что он давно положил там свою голову. Если ты служил с ним вместе и, зная все его житье-бытье, затеял воспользоваться обширными его поместьями, то с богом! спорить никто не будет, кроме бесчисленного множества летучих мышей и филинов. Но зачем грешить и употреблять вместо своего чужое имя?»

«Час от часу лучше, — говорил Ипполит. — Если ты и в самом деле Вирилад, то скажи, что принудило бедного Ипполита оставить свою родину?» «Это не тайна, — отвечал старик, — несчастная любовь к прекрасной Богомилии выгнала его отсюда. Ах! сколько нежная любовница потратила слез горячих! Однако ж она надеется скоро получить утешение. Чрез две недели назначен брак ее с Иваном, сыном покойного пана Аврамия. Ведь когда ж нибудь надобно забыть погибшего Ипполита. Какой-нибудь муж, только живой, все лучше самого хорошего покойника! Если б жива была мать Богомилии, то, может быть, сжалилась бы на стоны страдающей дочери; но по смерти ее, за два года перед этим последовавшей, отец хочет, чтоб воля его была законом для всех, подпавших его власти». — «Праведное небо! — сказал Р!пполит с тяжелым вздохом, — такую ли весть должен я слышать в час прибытия на родину? О Богомилия! ты меня забыла и думаешь о другом! Для чего я в этом не могу подражать тебе? Если ты, — продолжал он, — по непонятному чуду, из бедного, тощего Вирилада и впрямь превращен в богатого Вирилада, то покажи свой крест; а я покажу тебе свой». — «Изволь», — отвечал старик, и оба начали распахиваться. Вдруг показалась богатая колымага в три лошади, окруженная многими людьми с фонарями. При свете их кресты прилежно рассмотрены, и Вирилад, со слезами на глазах, заключил Ипполита в свои объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания